

Попробуем, однако, применяя лёгкие формы насилия, свести их вместе, в надежде, что из этого вынужденного сожительства истории с философией у нас получится интересный результат. При этом мы затронем три проблемы: проблему локализации смерти, проблему «всеприсутствия» и «внепорядочности» смерти, а также проблему *обудуществления* прошлого.

2.1 Смерть и история

Для исторической науки понятие смерти является исключительно важным. Ведь *настоящее* становится *прошлым* только с наступлением смерти. «Необходимо телесно умереть, чтобы написание (истории. — АБ.) стало возможным»⁶¹, заметил в своё время Michel de Certeau (Мишель Серто), для которого исторический дискурс является прежде всего дискурсом о мёртвых, потому что дискурс этот «предполагает наличие *утраченного* объекта»⁶².

Certeau считает, что в одном и том же тексте историк отрицает смерть и в то же время чувствует её⁶³. «Отрицает» он её по той причине, что, воскрешая мёртвое прошлое, он этим самым «противоречит» идее смерти и ставит под вопрос весь смысл её «работы». Так что «можно утверждать, что написание (истории. — АБ.) производит мёртвых для того, чтобы где-то могли существовать и живые»⁶⁴. Certeau видит в истории как «игру со смертью», так и «игру с жизнью». Смысл исторической работы заключается для него в том, чтобы воссоздать *отсутствующее* прошлое и

⁶¹ «Man muss körperlich sterben, damit das Schreiben geboren werden kann». Certeau, M. Указ. соч. С. 67. Michel de Certeau (Мишель Серто) цитируется здесь по немецкому изданию: Certeau, M. Das Schreiben der Geschichte (L'écriture de l'histoire). Frankfurt a. M. 1991 (Edition Gallimard, Paris 1975). С. 67.

⁶² Certeau, M. Указ. соч. С. 67.

⁶³ Certeau, M. Указ. соч. С. 89.

⁶⁴ Certeau, M. Указ. соч. С. 89.

«восстановить из, разбросанных на поверхности настоящего, знаков следы „исторических“ реальностей, которые только по той причине отсутствуют, потому что они являются другими»⁶⁵.

И Certeau прав, когда он утверждает, что смысл исторической работы лежит в реконструкции ДРУГОГО, который может отсутствовать только по отношению ко мне. Ведь по отношению к самому себе я никак не могу отсутствовать, потому что я всегда «при себе». Отсутствовать может по отношению ко мне только *другой*. И эту тему *Другого* подхватывает его соотечественник Р. Рісœур (Пауль Рикёр), утверждающий, что мы в состоянии реконструировать ПРОШЛОЕ как СВОЁ, ДРУГОЕ или же как АНАЛОГИЧНОЕ. Хотя, надо заметить, прошлое во всех трёх случаях принципиально является нам в образе ДРУГОГО, даже если мы воспринимаем его как СВОЁ. Последнюю модель — прошлого как СВОЕГО и презентирует нам R. Collingwood (Р. Дж. Коллингвуд).

По мнению Рісœур(а), в концепции Collingwood(а) прошлое воспринимается нами по той причине как СВОЁ, потому что настоящее здесь идентифицирует себя с прошлым, повторяет его мысли, стремится слиться с ним как ментально, так и духовно, познать его в «первоначальном виде», то есть сделать его СВОИМ⁶⁶. Рісœур признаёт, что подобная идея содержит в себе привлекательный элемент, потому что, хотя это и парадоксально звучит,

«но можно сказать, что след становится лишь тогда следом прошлого, когда он свой характер прошлого теряет через

⁶⁵ Certeau, M. Указ. соч. С. 67

⁶⁶ Ricœur, Paul. Zeit und Erzählung. 3 Bde. Bd. III: *Die erzählte Zeit*. S. 226.

этот вневременной акт, в котором мысленно повторяется внутренняя сторона события»⁶⁷.

Для Collingwood(a) любое историческое событие имеет, таким образом, свою «внутреннюю» и «внешнюю» сторону. И чтобы понять его интерпретацию *внутренней* стороны истории, я приведу здесь его же пример о переходе Цезарем в 49 г. до н. э. Рубикона. Событие это имеет, безусловно, свою «внешнюю» сторону, которая проявляет себя в механическом движении вооружённой массы человеческих тел. Но в основе этих механических движений лежат, утверждает Collingwood «внутренние» причины, т. е. человеческие стремления, идеи или цели. Именно последние историк и стремится понять. Он пытается понять, прежде всего, «внутреннюю» сторону события, пережить и повторить её в своём сознании. Тем более, что повторить «внешнюю» сторону прошлого события настоящее не в состоянии.

Мы никуда не ушли от коллингвудского метода познания прошлого как СВОЕГО, мы практикуем его повседневно, прежде всего, в национальной истории. Для школьника познание истории связано всегда с внутренним переживанием прошлого. Школьник не стоит «над» событиями, а он посредственно (мысленно) участвует в них, всегда занимает определённую позицию, например, отличая в военной истории между «нашими» и «врагами». Но Collingwood ставит здесь вопрос не о том, «что» мы переживаем, а вопрос о том «как» мы переживаем прошлое. И это «как» вызывает у Ricœur(a) принципиальные возражения.

⁶⁷ «Paradox formuliert, könnte man sagen, dass eine Spur erst dann zur Spur der Vergangenheit wird, wenn ihr Vergangenheitscharakter aufgehoben wird durch den zeitlosen Akt, der die gedanklich Innenseite des Ereignisses nach-denkt». Ricœur, Paul. *Zeit und Erzählung*. 3 Bde. Bd. III: *Die erzählte Zeit*. S. 231.

Если мы в действиях человека прошлого видим как *внешнюю*, так и *внутреннюю* сторону, возражает Ricœur, то мы тогда воспринимаем эти действия в перспективе двух исторических временных понятий, отрицающих друг друга. В одном случае речь идёт о так называемом *событийном времени* прошлого, в котором происходят постоянные изменения, в котором одно событие сменяется другим, а в другом случае речь идёт о времени повествования/понимания, которое у Collingwood(a) приобретает характер *безвременного*, постоянно повторяющегося, акта мышления, в котором одни и те же мысли прошлого повторяются и усваиваются различными настоящими. Однако в подобной интерпретации времени, говорит Ricœur,

«исключаются, как раз-таки, посреднические элементы, которые и делают из понятия исторического времени смешанное понятие, делающее возможным продолжение прошлого, то есть допускающим нечто подобное как существование «следа», делающим возможным традицию, которая превращает нас в наследников, допуская сохранение и дальнейшее владение собственностью»⁶⁸.

В исторической концепции Collingwood(a) понятие СЛЕД теряет динамику развития и изменчивости, которая, собственно говоря, и делает из него СЛЕД. В теории Collingwood(a) ударение ставится на *сохранение / повторение* прошлого. Однако бесконечное повторение мыслей / идей / сцен прошлого не позволяет настоящему дистанцироваться и «уйти» от прошлого, а прошлому не позволяет приобрести характер *прошлости*. Таким образом дистанция между тем,

⁶⁸ «ausgespart werden gerade die Vermittlungen, die aus der historischen Zeit einen Mischbegriff machen: das Weiterleben der Vergangenheit, das so etwas wie die Spur ermöglicht, die Tradition, die uns zu Erben macht, und die Erhaltung, die den erneuten Besetzt ermöglicht». Ricœur, Paul. *Zeit und Erzählung*. 3 Bde. Bd. III: *Die erzählte Zeit*. S. 233.

что БЫЛО и что ЕСТЬ, т. е. между прошлым и настоящим радикально уничтожается.

Вывод Ricœur(a) однозначен: Прошлое невозможно реконструировать с позиции *Своего* или *Того же*, как это предлагает Collingwood, потому что в подобной реконструкции дифференция между *своим* и *другим* полностью исчезает, и история перестаёт быть наукой о дифференциях. А ведь именно дифференции делают возможным различие между *прошлым* и *настоящим*.

Дистанцию между прошлым и настоящим необходимо сохранить, потому что, только сохраняя эту дистанцию, мы в состоянии воспринять прошлое под знаком *Другого* или *Чужого*, считает Ricœur. Дистанция эта является необходимым условием *понимания* прошлого как *Другого*. И, упомянутый уже нами, *Michel de Certeau* так и поступает. Он видит в истории, прежде всего, «средство», служащее «*изображению дифференции*». Главная функция истории заключается, по мнению Certeau, в «введении прошлого как осознанной дистанции»⁶⁹.

Однако континуитивное восприятие ПРОШЛОГО как *Другого*, по мнению Ricœur(a), скрывает в себе ту же самую угрозу «уничтожения дифференций», потому что здесь «вместо дифференции, которая объединяет, выступает дифференция, которая разделяет»⁷⁰. Постулируя временную дистанцию, Certeau не находит ей никакого объяснения. Он также никак не обосновывает феномен *продолжения*, без которого не может быть ни понятия «следа», ни понятия «истории». К тому же, считает Ricœur, рефлексивная модель *Certeau* создаёт впечатление, что

⁶⁹ Certeau, M. Указ. Соч. С. 111.

⁷⁰ «Die Differenz, die trennt, tritt an die Stelle der Differenz, die eint». Ricœur, Paul. Zeit und Erzählung. 3 Bde. Bd. III: *Die erzählte Zeit*. S. 238.

здесь «онтология прошлого оказывается похороненной под эпистемологией индивидуума»⁷¹.

Мы должны, говорит Ricœur, придти к такому виду рефлексии о прошлом, который в состоянии был бы объединить оба выше названных типа отношения к прошлому, т. е. позволить воспринять ПРОШЛОЕ одновременно как *Своё* и как ЧУЖОЕ. Такую возможность может дать нам третий вид рефлексии — рефлексия по принципу *Аналогичного*, которой, кстати, по мнению Ricœur(a), в наибольшей степени соответствует сформулированный ещё L. v. Ranke (*Леопольд фон Ранке*) идеал описания прошлого по принципу «как это действительно было» («*wie es eigentlich gewesen*»).

В соответствии с этим идеалом, историк, зная, что его история является лишь *конструкцией*, стремится к *объективной* (понимая всю проблематичность этого понятия, я всё равно употребляю его) реконструкции прошлой действительности, т. е. стремится воссоздать картину прошлого, которая была бы понятна и доступна его настоящему.

Ближе всех к идеалу прошлого как АНАЛОГИЧНОГО, по мнению Ricœur(a), приблизилась модель метафорной истории, обоснованная Hayden White (Хейденом Уайтом), у которого описание прошлого связано с определённой метафорой, направляющей читателя к образу или к сравнительной фигуре, придающей прошлым событиям приблизительную нарративную форму, «знакомой читателю по собственной культуре»⁷².

⁷¹ «Dies aber erweckt den Eindruck, daß die Ontologie der Vergangenheit unter einer Epistemologie des Individuums begraben wird». Ricœur, Paul. Zeit und Erzählung. 3 Bde. Bd. III: *Die erzählte Zeit*. S. 237.

⁷² «Der Leser wird auf die Figur gelenkt, die die berichteten Ereignisse einer narrativen Form angleicht (*liken*), wie sie ihm aus seiner eigenen Kultur vertraut ist». Ricœur, Paul. Zeit und Erzählung. 3 Bde. Bd. III: *Die erzählte Zeit*. S. 247.

Это, примерно, как и постановка пьесы «Вишнёвый сад», которая в Японии, Южной Африке, Мексике или Швеции принимает совершенно другой постановочный образ, но во всех своих вариантах остаётся «сама собой», как, впрочем, и ПРОШЛОЕ, которое в самых различных историях остаётся «само собой». Историческая метафора оперирует образами, понятными и доступными современности. Здесь метафора, по мнению Ricœur(a), выполняет репрезентативную роль бытия — «как бытия».

Подобную репрезентативную функцию «как бы бытия» выполняют также памятники и захоронения прошлого, которые, какие бы религиозные и национальные формы они не имели, говоря словами Ricœur(a) *презентируют* нам и одновременно *скрывают* от нас ушедшую / прошедшую жизнь, «обрекая мёртвых на молчание»⁷³.

Таким образом история принимает в наших глазах образ символического КЛАДБИЩА, а историографическая операция описания прошлого воспринимается нами как «письменный эквивалент социального ритуала захоронения / погребения»⁷⁴, говорит Ricœur. Но эта операция историографического захоронения прошлого с необходимостью предполагает его «локализацию» и «конкретизацию».

⁷³ Рикёр, П. Память, история, забвение. Москва, 2004. С. 511.

⁷⁴ Рикёр, П. Память, история, забвение. С. 510.